ческими типографиями опиралось не на твердые законодательные акты, а на распоряжения и усмотрения местных властей. Поэтому издатели нередко считали полезным «приписать» свое произведение (написать посвящение) какому-либо видному человеку, главным образом, с целью защиты от цензурного зажима. Напр. Федор Эмин свои «Нравоучительные басни» посвятил Алексею Григорьевичу Орлову и написал предисловие совершенно вызывающего характера.[1]

Правильность нашего вывода, что типография Сухопутного шляхетного кадетского корпуса могла печатать с разрешения местной цензуры переводные общеполезные сочинения, начиная с 1760 г., а непереводные работы этого вида не выпускали почти совсем, легко контролируется ниже приводимым списком всей продукции названной типографии со времени ее открытия и по 1767 г. включительно. Относительно же самого списка мы должны оговориться, что различная полнота тиражных и издательских сведений зависит от неодинаковой сохранности архивных документов, а библиографические сведения об авторах еще нуждаются в дополнительных розысканиях, хотя и в таком виде, как есть, не снижают убедительности его для нашей темы. Составлен список на основании архивных дел бывшего Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (главным образом № 115 за 1757, № 62 за 1764, № 48 за 1769, № 59 за 1770 и др.), а также на основании книжных фондов библиотеки Академии Наук СССР, Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и, сверх того, библиотеки бывш. Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, которая заботливо хранится в Ленинградской военной библиотеке РККА. Обычно в списке обозначены первоначальные цены книг на белой и простой бумаге, а цены, установленные по снижению самого корпуса в 1769 г., приведены в скобках. Расположение внутри годов оправдано или объявлением о продаже или датою окончания печатания в типографии.

[1] «Надеюсь, что благосклонный читатель не поставит мне того в вину, что я во многих здесь местах правду назвал баснею. Виновата тому нынешняя политика и время, в которое открытая и явная правда почитается за грубианство, за неучтивость, за дерзость и, если кто хочет, чтобы она людям нравилась, то надобно ее украсить аллегориями или лучше сказать алыми горами, чтобы ее из за них совсем не было видно и чтобы приятный оных цвет, глазам понравившись, и мыслям не был противен. Когда же философическую вольность политика сослала в ссылку в такое место, о которых и география ничего не упоминает, то и я не рассудил за благо за нею следовать и остался при политике».